

DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71

Научная статья / Research Article

Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели

А.А. Косорукова^{*}, У.В. ЗубковаРоссийский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6,
^{*} kosorukova_aa@rudn.ru

Аннотация. Проведен анализ типажей «кротких» и «гордых» женских образов в произведениях Ф.М. Достоевского в связи с типологиями образов писателя у литературоведов Н.А. Добролюбова, В.Ф. Переверзева и А.А. Гизетти. Статья обращается к классическим авторам раннего критического осмысления творчества Достоевского, которые проводили разделение женских образов на два противоположных типа «кротких» и «гордых». При этом в статье подчеркивается идея о том, что в полифоническом мире Достоевского каждый литературный герой обладает многогранным сознанием, из-за чего прямое дихотомическое деление на «гордых» и «кротких» может быть только грубым обобщением. В статье рассматриваются типологии Н.А. Добролюбова, А.А. Гизетти, а также В.Ф. Переверзева, который создает наиболее масштабную и значимую при рассмотрении женских образов типологию. Он чутко подмечает неоднозначность и трагичность героинь Достоевского, вводя в типологию женских образов термин «женщина-двойник», исходя из которого каждая героиня так или иначе содержит в себе определенный внутренний конфликт, решение которого в ходе романа позволяет ее характеру развиваться в сторону одного из указанных подтипов. Также проводится анализ типологии А.А. Гизетти, который в своем исследовании останавливается на таком типаже женских образов Достоевского, как «гордые», выделяя новый, «загадочный» подтип гордой героини Достоевского. В проведенном сравнении типажей «кротких» и «гордых» женских образов выделяются положительные и отрицательные этические смыслы рассматриваемых типов. Были сформулированы выводы о различных подтипах кротких и гордых характеров в художественном мире писателя, намечены основания для дальнейшего построения систематики понимания кротости и гордости по шкале соотносительности с добродетельностью и порочностью характера персонажа.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, этика, добродетель, женские образы, кротость, гордость

История статьи:

Статья поступила 27.08.2020

Статья принята к публикации 06.10.2020

© Косорукова А.А., Зубкова У.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Косорукова А.А., Зубкова У.В. Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 59—71. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71

The "Meek" and "Proud" Types of Female Images in the Works of F.M. Dostoevsky: A Study of the Question of Virtue

Alexandra A. Kosorukova*, Ulyana V. Zubkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation,
*kosorukova_aa@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the types of "meek" and "proud" female images in the works of F.M. Dostoevsky in connection with the typologies of the images of the writer among the literary critics N.A. Dobrolyubov, V.F. Pereverzev and A.A. Gizetti. The article refers to the classical authors of the early critical understanding of Dostoevsky's works, who divided female images into two opposite types of the "meek" and "proud". At the same time, the article emphasizes the idea that in Dostoevsky's polyphonic world every literary hero has a multidimensional consciousness, which is why the direct dichotomous division into the "proud" and "meek" can only be a rough generalization. The first part of the article examines the typologies of N.A. Dobrolyubov, as well as one of V.F. Pereverzev, who creates the most ambitious and significant typology, considering female images. He sensitively notices the ambiguity and tragedy of Dostoevsky's heroines and introduces the term "the doppelgängerwoman" into the typology of female images, on the basis of which each heroine somehow contains a certain internal conflict, the solution of which in the course of a novel allows her character to develop towards one of the indicated subtypes. The second part of the article analyzes the typology of A.A. Gizetti, who in his research focuses on such type of Dostoevsky's female images as the "proud", highlighting a new, "mysterious" subtype of the Dostoevsky's proud heroine. In the performed comparison of "meek" and "proud" types of female images it is considered to distinguish positive and negative ethical meanings of them. The article formulates conclusions about the various subtypes of "meek" and "proud" characters in the writer's artistic world, and outlines the grounds for further system of understanding of meekness and pride on a scale of correlation with vice and virtue.

Keywords: F.M. Dostoevsky, ethics, virtue, female images, meekness, pride

Article history:

The article was submitted on 27.08.2020

The article was accepted on 06.10.2020

For citation: Kosorukova A.A., Zubkova U.V. The "Meek" and "Proud" Types of Female Images in the Works of F.M. Dostoevsky: A Study of the Question of Virtue. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021; 25 (1): 59—71. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71

Введение

Женские образы в произведениях великого философа человеческих душ Ф.М. Достоевского занимают особое место. Как бы ни оценивали их

исследователи — от обозначения вторичной роли по отношению к мужским персонажам до подчеркивания недостижимо возвышенного смысла отдельных героинь — образы героинь Достоевского, бесспорно, составляют отдельный глубокий пласт произведений автора и отражают важнейшие его замыслы. Интерес к проблеме этических оснований и сущности добродетели в философских воззрениях Ф.М. Достоевского обоснован тем, что великий русский классик создал уникальную этическую систему в литературной форме.

Согласно М.М. Бахтину основной особенностью произведений Достоевского является их полифоничность, то есть наличие множества «самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [1. С. 12]. Продолжая данную мысль, нужно сказать, что полифония голосов выражена не только в многообразии героев как таковых, но и в гендерной «зеркальности» многих типажей (когда мужскому образу соответствует или противопоставляется носитель похожей идеи в женском облике). Часто женские образы не только оттеняют мужских персонажей, но являются полноценными, а иногда и более «полнокровными» выразителями той или иной идеи писателя, в том числе аспектов вопроса о добродетели. Представляется важным вопрос о том, насколько выделение тех или иных типажей женских образов соотносится с наличием определенных добродетелей. Данная тема рассматривается в статье на материале исследований женских образов в произведениях Ф.М. Достоевского у литературоведов В.Ф. Переверзева, Н.А. Добролюбова и А.А. Гизетти.

Гордость как самолюбивое ребячество, разумность и своеволие, кротость как мягкость и робость

Попытки типизировать женские образы в творчестве Ф.М. Достоевского предпринимали многие литературные критики и литературоведы, начиная уже с XIX столетия. При этом каждому типу оказываются свойственны те или иные добродетели характера. Разные формы добродетелей и порой неоднозначный характер их проявления становятся особой темой в творчестве писателя.

В критической статье «Забитые люди» [2] Н.А. Добролюбов предлагает несколько типологий образов героев в творчестве Достоевского, в которых два типа касаются женских образов непосредственно. Первый тип — тип рано развившегося, болезненного телом и/или духом, самолюбивого ребенка (образ Неточки в «Неточке Незвановой», образ Нелли в «Униженных и оскорбленных», образ Лизы Хохлаковой в «Братьях Карамазовых»). И второй тип — идеал умной и доброй девушки, «который ему никак не удастся представить» [2] (образ Наташи Ихменевой в «Униженных и оскорбленных», образ Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых»).

Следует отметить, что первый тип в связи с проявлениями его самолюбия может быть рассмотрен в контексте вопроса о гордости. Второй тип

(разумной добродетели) — в его проявлениях более тяготеет к добродетели кротости, что, однако, не исключает проявлений гордости, а иногда и гордыни.

В другой типологии Добролюбов выявляет типаж персонажей в зависимости от того, как они реагируют на оскорбление собственного достоинства, поскольку тема человечности является общей и одной из главных для произведений Достоевского. Так, проводится разделение на «кротких» и «ожесточенных». Персонажи первого типа погибают под внешним гнетом людей, событий и своего положения в обществе и, не способные сопротивляться ему, оборачиваются против самих себя. И если первых само общество пытается оторвать от себя, то вторые, «ожесточенные», сами стремятся порвать с миром, который не принимает их убеждений. Они удаляются от социума, ища в самих себе силы и защиты, самостоятельности и самодостаточности: «...они хотят разорвать со всем окружающим, сделаться чуждыми всему, быть достаточными самим для себя и ни от кого в мире не попросить и не принять ни услуги, ни братского чувства, ни доброго взгляда» [2].

Позже, продолжая идеи Добролюбова, литературовед В.Ф. Переверзев в работе «Творчество Достоевского» [3] создает, пожалуй, наиболее масштабную и значимую при рассмотрении женских образов типологию. Как и многие исследователи творчества Достоевского, большее внимание в работе он уделяет анализу мужских образов, но с неменьшим интересом обращается и к осмыслению основных женских типажей. Так, он выделяет основной тип героя произведений Достоевского — человека-двойника. Это — образ человека, который «всюду и всегда разрывается между чувством унижения и бессилия и чувством гордости и величия, мучится невозможностью успокоиться на чем-нибудь одном» [3. С. 171]. Человек-двойник мечется «между вспышками гордости и вспышками самоунижений, любви и ненависти к себе, предполагающей неизбежно любовь и ненависть к другим» [3. С. 168]. И если герои-мужчины подвержены данной раздвоенности вообще, то она же обнаруживается в героинях «именно в любви» [3. С. 164]. Поэтому Переверзев определяет «мир интимных отношений» как центр психической жизни героини того времени. Яркими примерами типа женщины-двойника являются образ Неточки в «Неточке Незвановой», образ Наташи Ихменевой в «Униженных и оскорбленных», образ Настасьи Филипповны в «Идиоте», образ Лизы Дроздовой в «Бесах», образы Грушеньки и Лизы Хохлаковой в «Братьях Карамазовых».

В чем же проявляется этот тип в образах героинь? В болезненном, нездоровом чувствовании и проявлении любви. Женщина-двойник находится в постоянной борьбе противоположных влечений — нежности и жестокости, покорности и властолюбия, самоотречения и циничного эгоизма. «Это любовь к слабому, смешанная с жалостью, счастье жертвы и самоотречения, наслаждение в страданиях, к которому примешивается радость господства, наслаждение мучительства» [3. С. 167].

Из состояния «двойника» герои, согласно Переверзеву, могут прийти к двум разным подтипам «своевольного» типажа. Первый подтип — инстинктивный «своевольный», для которого характерны решительность, связанная исключительно с его низменными и сиюминутными желаниями, асоциальность и аморальность поведения. Этот подтип живет исключительно инстинктивными, почти животными страстями и потребностями минуты. «Чтобы стать „своевольным“, „двойник“ должен одновременно пережить и психическую и социальную трансформацию: только упавши на дно, можно стать „своевольным“, и, становясь „своевольным“, неизбежно падают на дно» [З. С. 188]. В творчестве Достоевского только для мужских образов мы можем наблюдать падение на дно общества как проявление свободного акта их воли. Причастность женских образов к низшим слоям общества, нахождение их в рядах «бывших людей», как правило, является результатом определенных жизненных обстоятельств. Так, например, образ Сони Мармеладовой нельзя причислить к типу «своевольных», ни исходя из ее характера и поступков, ни из ее социального статуса. Она оказалась на дне не по собственной воле, с самого рождения она была обречена на жизнь среди «бывших людей», однако она сумела быть выше диктата инстинктов и пагубных страстей.

Другой подтип — рациональный, или сознательный, «своевольный». Главной его чертой является имморализм: «хаотические, беспорядочные комбинации социальных и моральных влечений и инстинктов, пройдя через горнило мысли, переплавляются в более или менее стройные системы» [З. С. 192]. В отличие от первого подтипа, здесь своеволие оказывается не просто выражением сиюминутных желаний, а имеет определенные принципы, складывающиеся в мировоззренческую структуру. Чаще всего персонажи, подходящие под этот подтип, образованные нигилисты и атеисты, испытывающие презрение ко всему и всем, кроме собственной личности, отрицающие все во имя своего «Я». Самым ярким примером этого подтипа является образ Кириллова в «Бесах», чье своеволие достигло высшей точки противопоставления «Я» миру — он поставил собственное «Я» выше мира. Среди женских образов, как отмечает Переверзев, не наблюдается персонажей, подходящих под данный типаж. Однако частично черты рационального «своевольного» типа проявляются в образе Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых». Как женщина-двойник она постоянно мечется между собственной гордостью и стихийной страстью. Для нее характерно презрение и ненависть к другим — к Грушеньке, к Мите (которое также постоянно сменяется страстным желанием его вернуть). Свои влечения и действия она стремится объяснить рационально.

Второй тип, который, согласно Переверзеву, может появиться из состояния двойника (наряду со «своевольным») — это тип кротких, или «слабых сердцем». «Мягкие, робкие лица, худенькие и болезненные, молитвенно сложенные руки и страдание, бесконечное страдание за себя и за других. С их уст не слетает гневное проклятие, в их „слабых сердцах“ нет места иным

чувствам, кроме благодарности и смирения» [3. С. 230]. Страдания, на которые обрекает себя этот тип, есть великое искупление, причем не только личное, но и всеобщее. Одной из основных черт данного типа является обезличенность, появляющаяся из-за полной оторванности личности от социума, от производительного труда. И так как жизнь героинь кроткого типа состоит из множества тягостных обстоятельств, причин и смысла которых они не понимают, то вся натура «кротких» оказывается, как правило, проникнута мистицизмом, т.е. верой в высшую силу, чьи планы и цели неизвестны. Перверзев называет «кротких» «оптимистами по внутреннему влечению», или инстинктивными оптимистами, поскольку они верят в благость жизни, в присущие ей разумность и справедливость, в то, что все злое через страдания непременно приводит к благу [3. С. 261].

В заключение заметим, что, независимо от автора типологии, женские образы в творчестве Достоевского с самого начала делились на два, как кажется, противоположных типа «кротких» и «гордых». В христианской философии русского писателя данные типажы, безусловно, отсылают к бинарной оппозиции добродетели кротости и порока гордыни. При этом рассмотрение типажей «кротких» и «гордых» выявляет разные смыслы кротости и гордости. Возникает вопрос, насколько безграничная кротость является качеством характера или только бессилием. Также разные смыслы гордости интересным образом раскрываются в выявлении подтипов гордого характера.

Гордые и «загадочные» типажы женских образов

Еще одну типологию женских образов Ф.М. Достоевского предлагает литературовед А.А. Гизетти в статье «Гордые язычницы» [4]. Исходя из тезиса о том, что в основе внутренней жизненной проблематики героев русского писателя лежит борьба их «христианской» от природы души с грехом, Гизетти утверждает, что цельное раскрытие образов «победителей» и «проигравших» в этой борьбе происходит именно в мужских образах. В то же время с женщинами дело обстоит сложнее. В согласии с христианской философией Достоевский желал видеть в каждой женщине идеал Мадонны. Она может поддаваться греху, но рано или поздно все равно находит путь к любви и Богу (что, например, мы можем наблюдать в трансформации Грушеньки в «Братьях Карамазовых»).

Женщина, согласно Достоевскому, воплощает в себе такие христианские добродетели, как любовь, смирение, самоотверженность, добро и пр. При этом женские образы русского писателя часто содержат в себе многоплановость, а иногда и сложную для трактовки неоднозначность. Так, у литературоведа Гизетти выделяется особый подтип гордых типажей героинь Достоевского.

Таким образом, Гизетти в своем исследовании останавливается на таком типаже женских образов русского писателя, как «гордые», при этом он

выделяет новый подтип героини Достоевского, холодно-рассудочного и гордого характера, — «загадочный». Ключ к пониманию данной характеристики содержится в сложном отношении самого писателя к героиням этого типа — это «женщины, которых он одновременно любит и ненавидит, которые его властно влекут и с которыми он непрерывно борется» [4. С. 190]. И противоречивость настроения автора по отношению к своим героиням объясняется тем, что, несмотря на всю их суровую рассудочность, они все равно, порой неожиданно, обращаются к волеям собственных сердец, даже противоречащим логике.

Так, наиболее ярким примером «загадочного» типа женщины А.А. Гизетти называет образ Дуни Раскольниковой. И пускай она не производит впечатления холодности и гордости, даже, наоборот, кажется доброй и непосредственной, однако, согласно Гизетти, она — «натура дремлющая», в ней покоится та полнота возможностей, которой Достоевский в последствии не осмеливался наделять других героинь. Дуня обладает силой и властью над героями-мужчинами, которая исходит из постоянного и плодотворного утверждения ею своей личности, без перехода в эгоизм. Дуня — гордая женщина нового типа — она Человек с большой буквы. Согласно Гизетти она одновременно близка и к «инфернальницам», и к героиням активной борьбы: «Дуня — героиня, а не подвижница» [4. С. 192]. В основании ее гордости лежит именно здоровое и человеческое чувство собственного достоинства. В своих поступках Дуня руководствовалась добропорядочностью, стремилась к самодостаточности и самостоятельности, а также оказывала посильную для нее помощь другим. «Она не язычница и не христианка, она из тех „иных“ людей, людей новой, земной религии, которых так ненавидя любил Достоевский» [4. С. 192—193]. Вероятно, под «земной религией» Гизетти понимает привязанность Дуни к реальному, земному существованию, фокусирование ею внимания на развитие прежде всего не возвышенно-религиозных, а прагматических качеств. И недовольство Достоевского на этот счет было вызвано опасностью, исходящей из такого прагматического подхода к жизни — уходом в мещанство и отказом от поиска высших, идеальных ценностей.

В творчестве русского писателя можно найти и иную трактовку образа гордой женщины, в которой данный тип характеризуется индивидуализмом, холодно-рассудочным и даже хищническим эгоизмом. Таков образ Аглаи в «Идиоте». Аглая наделена умом, талантами, образованием. Достоевский говорит о незаносчивости и даже скромности Аглаи и ее сестер. При этом, будучи младшей из сестер, она ведет себя как избалованный и капризный ребенок. Князь Мышкин интересен ей как своеобразный «трофей», поскольку из-за гордости и чрезмерной любви к себе она не воспринимает другого человека как личность. Аглая желает стать его первой и единственной, желает его поклонения ей как Мадонне.

Постоянно испытывая Мышкина своими ультиматумами, она будто бы проверяет, насколько он может быть кротким и покорным ей. В решающей

сцене выбора Мышкина между двумя женщинами раскрывается подлинное понимание Аглаей любви — ее любовь не имеет ничего общего с христианской любовью-жалостью к ближнему. Для нее любовь тождественна обладанию. В образе Аглаи проявляется следующая сторона вопроса о добродетели: Достоевский ставит вопрос о том, что добродетели образованности и ума могут «сосуществовать» с неблагоприятными качествами бессердечия, эгоизма.

Таким образом, Гизетти поднимает насущную проблему в осмыслении гордого типа женщины в творчестве Достоевского и его отношения к ней. Гизетти выявляет неоднозначное отношение к женской гордости в творчестве писателя. Говоря о таком подтипе гордых характеров, как «загадочные», можно выделить следующие свойственные гордым героиням Достоевского добродетели: собственное достоинство, самостоятельность, уверенность в своих силах.

Женские образы и вопрос о добродетели: система «кротких» и «гордых» типажей

На основе рассмотренных прежде типологий можно составить некоторую общую систему «кротких» и «гордых» типажей женских образов в творчестве Достоевского. Рассмотрим сначала краткую характеристику этих типажей, основываясь на разобранный материале, а затем выведем различные варианты выражения разных граней добродетели у каждого типажа на примерах женских образов в творчестве Достоевского.

Характерные особенности «кроткого» типажа в творчестве писателя:

- 1) безответность, смирение перед обстоятельствами и/или смиренное отношение к обидчикам;
- 2) уязвимость и незащищенность перед окружающим миром и обществом, неспособность или нежелание сопротивляться им;
- 3) самоуничтожение как внутренняя незащищенность перед самим собой, спровоцированная внешней слабостью;
- 4) стремление к страданию как личному и всеобщему искуплению;
- 5) часто некоторая обезличенность, возникающая из оторванности от социума и труда;
- 6) отсутствие контроля над собственной жизнью из-за зависимости от людской милости и благодетельства;
- 7) подверженность мистицизму и фатализму, поскольку все позитивные и негативные события в их жизни зависят от иной, внешней силы;
- 8) внутренний оптимизм — вера в благость, разумность и справедливость жизни или возможность искупления грехов мира.

К кротким женским персонажам Достоевского традиционно относятся героиня рассказа «Кроткая», Соня Мармеладова и Лизавета Ивановна в «Преступлении и наказании», Дарья Шатова в «Бесах», Варя Доброселова в «Бедных людях».

В отношении «кротких» персонажей в произведениях Достоевского в дополнение к рассмотренным типологиям следует провести одно существенное разграничение. Среди женских образов выделяется тип «бунтующих» кротких. Их бунтарство выражено через отрицание зла и порочности, ведь, как пишет Н.О. Лосский, Достоевский отвергает воззрения на зло как на необходимое условие существования и познания добра. Бог есть Добро, а потому все сотворенное Им также благо [5. С. 179].

Так, яркими примерами «бунтующих» кротких являются образ Сони Мармеладовой в романе «Преступление и наказание» и образ Кроткой в повести «Кроткая».

Соня Мармеладова — это предельный добродетельный женский образ в творчестве Достоевского: «...да вы еще не знаете, не знаете, какое это сердце, какая это девушка!» [6. С. 375]. Ее кротость в романе описывается в следующих отрывках: «...безответная она, и голосок у ней такой кроткий...» [6. С. 20], «Соня, робкая от природы...» [6. С. 383], «...обидеть ее всякий мог почти безнаказанно...» [6. С. 383], «...вошла в чрезвычайном удивлении и, по обыкновению своему, робея. Она всегда робела в подобных случаях и очень боялась новых лиц и новых знакомств, боялась и прежде, еще с детства, а теперь тем более...» [6. С. 351], «она, конечно, с терпением и почти безропотно могла все перенести...» [6. С. 383] и др. Таким образом, видно, что Соня робкая и боязливая, кроткая и смиренная девушка с добрым сердцем. Несмотря на все ужасы, присутствовавшие в ее жизни с момента рождения, она не обзлилась на мир, а даже, наоборот, оптимистично продолжает верить в благость мира и Бога. Именно ее искренняя христианская вера в добро не дает порочному земному миру уничтожить ее. Впрочем, она даже бунтует против порока, лишая его какой-либо власти над человеком. Во время второго визита Раскольникова к Соне, когда он признается ей в совершенном убийстве, девушка не судит его, а жалеет: «Что вы, что вы это над собой сделали! <...> Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!...» [6. С. 390]. Для нее любое зло непременно сопровождается страданиями, призванными принести искупление измученной душе, поэтому она, разделяя эти страдания с Раскольниковым, советует: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю... <...> и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда бог опять тебе жизни пошлет. Пойдешь? Пойдешь?...» [6. С. 398].

Аналогичную Сонечкиной тяжелую судьбу имеет и главная героиня фантастического рассказа «Кроткая»: круглая сирота, жившая с тетками, которые не гнушались колотить ее и морить голодом, а после выданная за ростовщика, истерзавшего ее уже не физически, а душевно. Кроткая, робкая и молчаливая — вот какой ее показывает Достоевский. Ее кроткое, молчаливое («...она даже записки не оставила...» [7. С. 34]) и смиренное самоубийство подтверждает, с одной стороны, цельность ее образа, но с другой — ставит вопрос о различиях кротости как добродетели и бессилия как если не порочной, то недолжной черты.

Перейдем теперь к характерным особенностям «гордого» типажа. К ним относятся:

- 1) наличие силы, самодостаточности и самостоятельности;
- 2) индивидуализм и эгоизм;
- 3) стремление к власти над другими;
- 4) беспокойность души, выраженная в постоянных метаниях между рациональными суждениями и страстями сердца.

В отношении «гордого» типа женских образов в творчестве Достоевского необходимо разделять гордость и гордыню при их анализе. Гордыня, как одна из восьми греховных страстей в христианстве, является противоположностью добродетельного смирения и кротости. Согласно Фоме Аквинскому гордыня есть «неупорядоченное желание превосходства над другими» [8. С. 450]. Согласно православной традиции страсть гордости определяется, прежде всего, через презрение ближнего, предпочтение себя всем, дерзость [9].

Воплощение «греховной» гордости мы находим в образе Аглаи в «Идиоте», частично в образах Грушеньки (в расчетливости и поиске выгоды по отношению к другим людям) и Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых» (в ее презрении к Грушеньке и Мите и желании отмщения), и наиболее ярко — в образе Лизы Хохлаковой там же.

В самом начале романа «Братья Карамазовы» Лиза Хохлакова предстает перед читателями как кроткая, тихая и добрая девушка. Однако после разговора с Иваном Карамазовым с ней происходят ужасные изменения — разговор провоцирует припадок и истерику у Лизы, сопровождающиеся непонятным окружающим поведением: «...вдруг сегодня утром Лиза проснулась и рассердилась на Юлию и, представьте, ударила ее рукой по лицу. <...> И вдруг чрез час она обнимает и целует у Юлии ноги» [10. С. 656]. Состояние Лизы затем раскрывается в разговоре с Алешей: «Ах, я хочу беспорядка. Я все хочу зажечь дом. Я воображаю, как это я подойду и зажгу потихоньку, непременно чтобы потихоньку. Они-то тушат, а он-то горит. А я знаю, да молчу...» [10. С. 657—658]. А затем признается: «Я не хочу быть святою. <...> Я бы пришла [на тот свет к Богу], а меня бы и осудили, а я бы вдруг всем им и засмеялась в глаза», и «Я просто не хочу делать доброе, я хочу делать злое, а никакой тут болезни нет. <> ... чтобы нигде ничего не осталось...» [10. С. 658—659].

В приведенных отрывках содержится бунт молодой болезненной девушки против Бога и добродетели. Можно предположить, что нечто в речах Ивана Карамазова и сама ситуация с судом над Митей так сильно поразили ее впечатлительное и воспаленное недугом сознание, что у нее возникло глубокое разочарование в мире и мысль о том, что все люди тайно любят дурное. И она сама в себе решила гиперболизировать это порочное чувство. В разговоре с Алешей она упивается своей порочностью и бесовской «свободой» на фоне его кроткой и смиренной чистоты. Таким образом, в образе Лизы мы видим изображение добродетелей кротости и доброжелательности, которые

под влиянием сомнения в добродетели, высказываемого значимым лицом, способны перейти в отрицание добродетели и восхваления порока.

Совершенно иная гордость содержится в образах женщин, которых мы, следуя Гизетти, можем назвать «загадочными». Для них характерно развитое чувство собственного достоинства, не переходящее в презрение к окружающим и в ощущение собственного превосходства. О таком типе женской гордости Достоевский сам упоминает в своих дневниках, говоря о героинях Жорж Занд: «Эта гордость не есть вражда *quand même*, основанная на том, что я, дескать, тебя лучше, а ты меня хуже, а лишь чувство самой целомудренной невозможности примирения с неправдой и пороком, хотя, опять-таки повторяю, чувство это не исключает ни всепрощения, ни милосердия; мало того, соразмерно этой гордости добровольно налагался на себя и огромный долг. Эти героини ее жаждали жертв, подвига» [11. С. 193]. Можно предположить, что именно эту гордость так полюбившихся ему героинь зарубежной писательницы он попытался выразить в собственных героинях.

Заключение

Н.О. Лосский в своей работе о Достоевском подчеркивает такую отличительную черту, как неприятие им понимания зла как необходимого условия существования и познания добра. Рассуждая о феномене добра и зла в творчестве русского писателя, Лосский указывает и на главное отличие одного от другого. По его мнению, это только разные виды любви. Зло, отмечает философ, есть «чрезмерно высокая оценка своего я — гордость, честолюбие, обидчивое самолюбие» [5], то есть чрезмерная любовь к себе и недостаток любви к ближнему. Добро же есть смирение как «отсутствие гордости, честолюбия и колкого самолюбия, склонность просто забывать о своем я и относиться ко всем людям, как к существам, совершенно равным себе и друг другу» [5] — это любовное участие в чужой жизни. Данные рассуждения определяют и позицию приведенных в статье исследователей, анализирующих различные нюансы понимания феноменов гордости и кротости у писателя.

В отношении вопроса о добродетели в типологии женских образов наблюдается присущая всей философии Достоевского дуальность. В статье были рассмотрены «кроткий» и «гордый» типажи с точки зрения проявления в них добра и зла. Так «кроткий» тип содержит в себе «бунтующих» кротких (не примирившихся с пороком) как проявление силы духа в человеке, и «безропотных» кротких как проявление слабости. А в «гордом» типе выделяются героини, подверженные гордыне, и «целомудренно» гордые женщины. Творческий мир писателя являет собой палитру различных смыслов каждого из подтипов, что может быть основанием для построения систематического восприятия различных добродетелей, связанных с категориями гордости и кротости.

Список литературы

- [1] Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л. : Прибой, 1929.
- [2] Добролюбов Н.А. Забытые люди // Русские классики: Избранные литературно-критические статьи. М. : Наука, 1970. С. 301—346.
- [3] Переверзев В.Ф. Творчество Достоевского. М. : Соврем. Пробл., 1912.
- [4] Гизетти А.А. Гордые язычницы // Творческий путь Достоевского. Сборник статей под ред. Бродского Н.Л. Л. : Книгоиздательство Сеятель Е.В. Высоцкого, 1924. С. 186—196.
- [5] Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1953.
- [6] Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5. Л. : Наука, 1989.
- [7] Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 24. Л. : Наука, 1982. С. 5—35.
- [8] Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 5 / Пер., ред. и прим. С.И. Еремеева. Киев : Ника-Центр, 2008.
- [9] Святитель Игнатий (Брянчанинов). Избранные творения. Аскетические опыты: в 2 т. Т. I. М. : Сибирская Благовонница, 2012. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom1_asketicheskie_opyty/. Дата обращения: 10.11.2020.
- [10] Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
- [11] Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1876 год // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. Л. : Наука, 1989.
- [12] Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Л. : Наука, 1989.

References

- [1] Bakhtin MM. *Problems of Dostoevsky's Art*. Leningrad: Priboj; 1929. (In Russian).
- [2] Dobrolyubov NA. Downtrodden people. In: *Russian classics: Selected literary criticism articles*. Moscow: Nauka publ.; 1970. P. 301—346. (In Russian).
- [3] Pereverzev VF. *Dostoevsky's works*. Moscow: Sovremennye Problemy; 1912. (In Russian).
- [4] Gizetti AA. Proud heathens. In: *Creative way of Dostoevsky. A collection of articles*. Brodsky NL, editor. Leningrad; 1924. P. 186—196. (In Russian).
- [5] Lossky NO. *Dostoevsky and his Christian Understanding of the World*. New-York: Chekhov Publishing house; 1953. (In Russian).
- [6] Dostoevsky FM. Crime and Punishment. In: Dostoevsky FM. *Collected works in 15 vol*. Vol. 5. Leningrad: Nauka publ.; 1989. (In Russian).
- [7] Dostoevsky FM. The writer's diary. In: Dostoevsky FM. *Complete works in 30 vol*. Vol. 24. Leningrad: Nauka publ.; 1982. P. 5—35. (In Russian).
- [8] Aquinas Thomas. *The Summa theologiae*. Vol. 5. Kiev: Nika-Centr; 2008. (In Russian).
- [9] Bishop Ignatius (Brianchaninov). *Selected creations. Ascetic experiments*. In 2 vols. Volume I. Moscow: Siberian Blagozvonitsa; 2012. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom1_asketicheskie_opyty/. (In Russian).
- [10] Dostoevsky FM. *The Brothers Karamazov*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus publ.; 2019. (In Russian).
- [11] Dostoevsky FM. The writer's diary of 1876. In: Dostoevsky FM. *Collected works in 15 vol*. Vol. 13. Leningrad: Nauka publ.; 1989. (In Russian).
- [12] Dostoevsky FM. The Idiot. In: Dostoevsky FM. *Collected works in 15 vol*. Vol. 6. Leningrad: Nauka publ.; 1989. (In Russian).

Сведения об авторах:

Косорукова Александра Андреевна — старший преподаватель, кафедра этики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: kosorukova_aa@rudn.ru).

Зубкова Ульяна Владимировна — магистр, кафедра этики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: 1032192483@rudn.ru).

About the authors:

Kosorukova Alexandra A. — Senior lecturer, Department of ethics, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University of Russia, Moscow, Russia (e-mail: kosorukova_aa@rudn.ru).

Zubkova Ulyana V. — Magistracy student, Department of ethics, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University of Russia, Moscow, Russia (e-mail: 1032192483@rudn.ru).